

Научная статья
 УДК 82.09:37
 EDN LPTUOT
 DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(1).162-172

«РЕАЛЬНОСТЬ» В ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ КНИГИ В.А. СУХОМЛИНСКОГО «СЕРДЦЕ ОТДАЮ ДЕТЯМ»

А.А. Атанов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
 9 февраля 2022 г.

Дата принятия к печати
 3 марта 2023 г.

Дата онлайн-размещения
 12 апреля 2023 г.

Ключевые слова

Воспитание; мировоззрение;
 эстетические представления;
 В.А. Сухомлинский; анализ;
 мифология; диалектика;
 понятийные структуры;
 текст; контекст; язык; смысл;
 реальность

Аннотация

В статье анализируется произведение выдающегося советского педагога и писателя В.А. Сухомлинского «Сердце отдаю детям». В качестве объекта изучения выступает текстологическая реальность и характер ее связей с реальностью как таковой. Предметом исследования оказывается авторское видение реальности в контексте идеологических, педагогических и эстетических структур. Методологией изучения является построение аналитико-синтетических понятий в рамках аналитического прочтения текста в системе структурного подхода, что представляется новым в методологическом плане для гуманитарных областей знания. Анализируется не просто реальность текста произведения, а просвечивающие через нее конструкты реальности, сопряженные с текстом, но не сводимые к текстологической определенности. Выделяются идеологические, смысловые, мировоззренческие структуры, характеризующие как автора, так и эпоху, в которой он творил. Создается компендиум педагогики, системы воспитания и идеологии, образующий целостную «мифологическую» систему.

Original article

«REALITY» IN FICTION ON THE EXAMPLE OF THE BOOK BY V.A. SUKHOMLYNSKY «TO CHILDREN I GIVE MY HEART»

Andrei A. Atanov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
 February 9, 2022

Accepted
 March 3, 2023

Available online
 April 12, 2023

Keywords

Education; worldview; aesthetic views; V.A. Sukhomlynsky; analysis; mythology; dialectics; conceptual structures; text; context; language; meaning; reality

Abstract

The research analyzed the work of the outstanding Soviet pedagogue and writer V.A. Sukhomlynsky, «To Children I Give My Heart». The study focuses on textual reality and the nature of its relationship with reality itself. The subject of the study is the author's vision of reality in the context of ideological, pedagogical, and aesthetic structures. The methodology of the study is the construction of analytical and synthetic concepts within the framework of the analytical reading of the text in the system of structural approach, which is the new methodological area in the humanitarian fields of knowledge. It analyzes not only the reality of the text of the work, but also the reality constructs that are translucent, connected with the text, but not reduced to a textual certainty. The study identified ideological, semantic, worldview structures that characterize both the author and the era he worked in. A compendium of pedagogy, educational systems and ideology is being created, forming an integral «mythological» system.

Введение

Жанр анализируемой книги определить очень сложно: то ли это авторская проза, то ли документалистика, то ли научно-популяр-

ное издание (о педагогике), то ли повесть. Поэтому по тексту весьма сложно отделить действительные процессы и события от авторского видения этих событий. В тексте

книги создается пространство, где на равных живут реальные люди и образы людей, идеологические системы, сказки, рассказы и истории. С другой стороны, анализ текстовой реальности, созданной в определенную историческую эпоху, позволяет выявить предельно общие паттерны, характеризующие мировоззрение людей, их систему ценностей как относящиеся именно к этому периоду. Здесь реальность локализована в модусе педагогики и эстетики, но со всей спецификой соответствующей эпохи. Нужно помнить, что в тексте книги мы оказываемся в искаженной авторской реальности. Реальности, которая воспринимается автором как действительная, но вместе с тем в ней есть изломы, следы влияний, которые не осознаются автором. Другое понятие — это авторская реальность книги (воздействия на нее прямые и опосредованные), диктуемая формами социальной организации действительности, в том числе в форме публикации книги. Дело даже не в цензуре, а в «правильном» в тексте указании на реальность. Книга начинается печально, но заканчивается позитивно, она «комедия» в полном соответствии с классикой жанра. Нужно помнить, что произведение было опубликовано гораздо позднее описываемых в нем событий и в совершенно других идеологических условиях. Так, в нем описываются 40-е и начало 50-х гг. XX в., а издано оно было в 70-х.

Методы и принципы исследования

В системе языкового восприятия у каждого народа проявляются свои смыслы, что относится и к предельно общим категориям. В греческом языке алетейя — истина, это то, что отрицает Лету, — забвение. Причем Лета понимается в том числе не только символически, но и как физическая река, протекающая в загробном мире. Поэтому истина для древнего грека в системе языковой реальности — это то, что помнится. Отец Павел Флоренский считал, что истина в восприятии в системе русского языка — естина, то, что есть. Методологически можно предположить, что если мы синтезируем содержание «истины» из всех языков, мы поймем, что она такое. К сожалению, подобного рода синтез невозможен, истина выражается через язык, но не сводится к нему. Говоря другими словами, если у тебя в опыте (не очень корректное определение, потому что речь может идти об аксиологическом слое, или о слое реальности) нет того, что истина, никакие словесные описания тебе не помогут.

С другой стороны, при проведении анализа обязательно возникают пары понятий: истина — память, истина — есть, истина — правда и т.д. Если вспомнить Парменида, у него еще более сложная система понятий и их движения. Изложение по поэме Парменида «О природе» [1]. Первым исходным тезисом Парменида является следующий: «Мыслить и быть — одно». Движения понятий, исходя из формы этого тезиса, осуществляются через законы логики (закон тождества и закон противоречия, выраженные в онтологической форме), создающие устойчивость описания функционирования бытия и небытия, есть и не-есть. Описание того, что есть, осуществляется у Парменида через путь истины и через путь мнения с совершенно разными результатами, но сводится к единому основанию. Богиня Дике у Парменида, излагающая суть учения, говорит о том, что она вернется к тому, с чего начала, о кругообразном движении, т.е. ее речь об истине и о мнении как речь об одном и том же. Парменид четко понимает, о чем идет речь, но лексика описания (истины и мнения) у него совершенно другая, тогда как объект описания один и тот же. К сожалению, поэма Парменида «О природе» досталась нам в виде фрагментов, и у нас нет фрагмента, где философ сводит в единое путь истины и путь мнения в понятийной форме. Можно попытаться раскрыть смысл другим образом, сделав акцент на мифы, на которые ссылается Парменид. Его путешествие начинается к пределам дня и ночи, куда только мысль достигает. Путешествие происходит то ли в голове у Парменида, то ли во внешнем мире (пространстве), куда входит Парменид, либо в форме видения (грезы), либо как особого места, где определяются смыслы. Это может быть грезой, видением или реальным местом, а может одновременно (в системе Парменида нет времени и пространства — они иллюзии) и тем, и другим, и третьим, а может быть чем-то еще. У Парменида множества не существует, а следовательно, объект один и тот же, но назван грезой, видением, путешествием, мыслью, пределом, днем и ночью. Отголоски смысла в нашем (личном, субъективном) опыте считываются не совсем адекватно, описание позволяет удержать только логические последовательности, а не полноценный опыт, который был у Парменида, мы ловим отголоски смысла только в случае признания законов логики, но у Парменида, возможно, были отсылки к другим законам, но уже не логики, а реальности или видения, виденья. Парменид пережил состояние инсайта или

получил инсайт. Мы же начинаем ссылаться на смыслы, которые делают понятной картину его наблюдений нам, но это качественно и количественно не то, что наблюдал Парменид. Его опыт качественно другой, приводящий к определенным словам и смыслам. Даже то, что Парменид излагает свои мысли в поэме, создает совершенно иную форму прочтения, чем если бы он излагал свои мысли в другой форме. Для целей нашего анализа подходит категория «ментальный мир», детально описываемая в [2] (раздел «Ментальный мир», переход к дискурсу и концептам).

Возникает вопрос: личный опыт Парменида в деле познания устройства Вселенной — насколько он достоверен? Судя по множеству смыслов, отсылок, лингвистических построений и открытию законов логики, опыт этот информационно и сущностно насыщен. Но умение применять те же законы логики, которое появляется у людей после прочтения Парменида, не то же самое, что умение определять и видеть в единстве внутреннего и внешнего. Необходимо учитывать, что единство может быть многоуровневым, исходя из опыта человеческой жизни (в системе биологического роста и раскрытия). Единство человека, как отмечается в психоанализе, оральное отличается от единства анального, промежуточного, фаллического или генитального [3; 4]. Дело не только в иерархии, но и в степени вовлечения и в сложности выстраиваемой картины. Бездна античности — это хаос, бездна, лишенная границ, а следовательно, определений. Другая аллюзия про бездну — это Тартар, где находятся корни Земли и Неба, сумрачно затхлые, тонкие-тонкие. Это не те переливы хаоса как волны возможностей, которые мы воспринимаем сейчас. Очевидно, хаос античности и современности — это различный хаос. Есть ли аналогия у современного хаоса в античной жизни и у античного в современной? Античный в современности — это бездна, актуализирующая отсутствие границ, но необходимость воспоминаний про корни Земли и Неба полностью уничтожает сложившийся образ или понятие. Это другая картина действительности, которая становится актуальной, если мы входим в жизнь античности, а не в ассоциации с античностью. Есть точка отсчета, есть определенность, неактуальная для современного человека. Это и создает иной ракурс рассмотрения проблем. Есть отсылки на другие смыслы, связанные с современностью. Античность оказалась аннигилированной, но не христиан-

ством, а чем-то другим, другим отношением к жизни. Другое отношение к жизни может быть связано не с жизнью, а с темой извращения и искажения, где вроде бы совершенно понятная противоположность жизни — смерть — может оказаться чем-то другим. Нам может помочь анализ христианства, где на уровне понятий (религиозных) мы видим, что тема жизни может быть связана со смертью — смертью умрешь. Тема жизни может быть темой греха (и первородного греха), о чем отдельный человек не знает и что он не осознает. Другой вопрос, насколько массовые воспоминания или коллективная память позволяют конкретизировать тему первородного греха. Ведь о нем помнят падшие и изгнанные из рая люди. Насколько их воспоминания достоверны? Но логическая цепочка «жизнь — грех» выстроена и диктует свои правила. Напомним, не цепочка «жизнь — смерть», а цепочка «жизнь — грех», тогда основания противоположностей должны быть в самой жизни, указывая как на смерть, так и на грех. Тогда и грех, и смерть указывают на жизнь. Но каков характер этого указания? Тождественность оказывается смещенной, так же как и характер тождественности. Поэтому мы получаем качественно иную реальность. Закон тождества стремится восстановить утраченное качество и создает новую онтологическую последовательность, определяемую манифестированной логикой жизни и греха, а это совершенно другая ситуация. Но поскольку для человеческой жизни и опыта она является допустимой, создается новая структура человеческой реальности, где связанным с понятием «жизнь» оказывается понятие «грех».

Такого рода логические структуры, совершенно неосознанные, люди несут в опыте своей жизни. Например, соотносят любовь со страданием, или любовь с радостью, или любовь со счастьем — в итоге это три совершенно различных варианта жизни. Причем носителю этих программ вовсе не обязательно знать, что такое любовь, работает не то, что определяется, а то, что используется в качестве определения. Нужно помнить, что в таких конструкциях речь идет не о логике или о подмене понятий, а о совершенно реальных состояниях, которые благодаря искажению в системе логического аппарата или определений оказываются связанными в личном бытии человека. Если возникло хотя бы сомнение в отождествлении, что любовь есть страдание, многих проблем удалось бы избежать, признав, что это простая логическая ошибка отождествления, никак не

связанная с реальным положением вещей. Поэтому определение сложных понятий и категорий требует гигантского напряжения, так как любые ошибки манифестируются в реальный мир. У человека нет никакого четкого определения или указания любви, но он, не зная, начинает создавать псевдологическую последовательность смыслов, в результате любое отождествление оказывается ложным. Истока нет, реальности нет, смыслы в силу этого искажены, поэтому вместо одного явления мы рассуждаем о совершенно другом явлении или определяем его. Суть же в том, что мы никогда не определим новое явление, так как вместо явлений речь идет об определениях произвольного характера. Любимое выражение многих «Я так думаю» — а я совсем не думаю. Думать надо уметь, нужно четко отличать явление «мышление» от других явлений, иначе речь идет о чем угодно, кроме мышления. И законы мышления работают, только если человек мыслит, иначе создается внешне логичная последовательность, построенная на ошибках. В.А. Сухомлинский весьма часто выдает бытовые фразы с указанием на то, что в этих фразах содержится глубокий смысл, но определений избегает. Проанализируем бытовую фразу: «Я думаю, Маша меня любит». В идеале произносящий такую фразу должен разбираться в собственной и не собственной самоидентификации, мышлении, любви и Маше, что на практике крайне маловероятно, и поэтому фраза может приобретать какой угодно смысл в зависимости от того, на что указывает субъект; если эта система указаний не определена, фраза всегда бессмысленна и при внешней понятности ничего не означает. Иными словами, «фраза-идеал», в отличие от понятия, в практическом смысле может указывать на совершенно произвольные вещи.

Для решения проблемы нужно зайти в точку определения реального положения вещей — меня, мышления, идентификации, любви, Маши, и только тогда случится вхождение в реальность и начнут двигаться подлинные смыслы. Зачастую вместо реальности живет совокупность стереотипов, которые и позволяют чувствовать субъектную реальность, создавая псевдореальность, что мы весьма часто наблюдаем в текстах, и текст В.А. Сухомлинского не исключение. Единственным индикатором реальности для определения объекта (в нашей фразе) остаются чувства, но для этого они должны быть в рабочем состоянии. Весьма часто соотношения понятий и слов приходят из внешнего мира,

создавая систему оценочного мышления, думать не надо, и есть образ мира и явления, как бы достоверного. Нужно помнить, что очевидные вещи вовсе не очевидны, если нет точного указания на них. Стереотипы совершенно не помогают, только путают картину.

Используемые в философии противоположности, в том числе как пары категорий, позволяют открыть формы взаимодействия как в логической форме, так и в соотношении с действительностью. Поэтому категории в диалектических системах отражают предельно абстрактное содержание. Вспомним десять категорий Аристотеля. Они создают тройственную систему последовательностей: как действительное, как логическое, как лингвистическое (закладывающее грамматику) [5]. В любом случае происходит эманация смысла, связанная с логикой, и с языком. Также в любом случае происходит усложнение последовательности. Ключевая категория у Аристотеля — сущность, и раскрывается она посредством других категорий [6]. Другими словами, в любом случае после определения сущности, первичных и вторичных сущностей (вторичная сущность — универсалия) у Аристотеля задаются парные последовательности: сущность (усия) — количество, сущность (усия) — качество, сущность (усия) — отношение, сущность (усия) — пространство, сущность (усия) — время, сущность (усия) — состояние, сущность (усия) — обладание, сущность (усия) — действие, сущность (усия) — претерпевание. То есть отражаются степени общности в их данности и в раскрытии.

Движение общности может носить произвольный характер исходя из порождающей ее диалектической иллюзии. В сухом остатке у нас противоположности, но если явления абсолютно противоположны, связи между ними не будет (единое и многое), т.е. речь снова идет о границах противоположностей и степени их приближения друг к другу, тогда порождаться последовательность может только в рамках творческого акта, и в любом случае ссылка как изначальное основание будет на человека и человеческую природу (как точка отсчета или изначальная форма наличествующих противоположностей; отсюда у Аристотеля сущности: Сократ и человек). Иначе говоря, мир описывается как включающий человека (матрица невозможна как абсолютное, но возможна как форма отрицания человеческого, в любом случае даже в отрицании человеческого происходит указание на имеющееся человеческое). Скептики и делали акцент не только на утверждение,

но и на отрицание [7]. Смысл внечеловеческого предшествует человеческому. Возникают трудности в первичных определениях, о чем в действительности пойдет речь, есть и сложности (они же преимущества), либо логическое или лингвистическое нарушение в манифестации категорий предельно точно сообщает о неточном сущностном основании. Постоянно идет след нарушений (или же точного следования). З. Фрейд в психологическом исследовании четко выделяет у человека две части: мортидную и либидозную [8]. Либидозная часть оформлена быть не может, если не выросло и не сформировано мортидо, которое хоть в каком-то виде есть почти у всех людей. Сложности заключаются в оформлении. Наличие вовсе не говорит о сформированности, а следовательно, тема наличия оказывается абсолютно неактуальной. То, что сейчас в современном мире называется хаосом, о чем мы уже писали, оказывается калькой с шумеро-аккадских представлений о хаосе в форме океана, которую приложили к совершенно иной системе культуры.

Основные результаты

На авторскую реальность, воспроизводимую Сухомлинским, воздействие оказали идеология, традиции, личные предпочтения, личный эмоциональный фон, но даже в такой форме реальности благодаря анализу, переводящему события в смысловую форму, можно зафиксировать, естественно только в степени приближения, действительное положение вещей, а также обнаружить присутствие смыслов, воздействующих на границы вещей как факторы влияния. Книга интересна тем, что описываются формы и методы педагогического и эстетического воздействия на детей в послевоенный период в одной из самых прогрессивных школ Советского Союза, но находившейся в особом национальном регионе.

В исторический период, в который работал Сухомлинский, в теоретическом плане существовало два определения реальности в соответствии с духом того времени, связанных с господствовавшей марксистской идеологией:

1. Объективная реальность — это материя в совокупности ее видов, объективной реальности противопоставляется субъективная (явления сознания).

2. Реальность — это все существующее, весь материальный мир, включая идеальные продукты. Термин «реальность» в домарксистский период развития теологической

и философской мысли определял степень выражения бытия, у схоластов полной реальностью обладал только Бог.

Поэтому посредством произведения художественной литературы можно наблюдать как само бытие эпохи, так и его характер, связанный с формами и предметной определенностью. Мы видим просвечивающие через канву произведения иногда скрытые, иногда открытые смыслы, относящиеся не только к реальности произведения, но и к реальности как таковой. Иногда в тексте наблюдается ложно поданная информация, иногда чистая ложь. Но сам текст образует целостность, выходящую за пределы описываемых в нем явлений, что в рамках герменевтической традиции приводит к тезису о том, что целое больше составляющих его частей. Включая событийную определенность, мы получаем еще несколько видов целостности, в которых предыдущая целостность выступает в качестве части. Дело заключается совсем не в реконструкции, а в создании реальности, которая может быть совсем не связанной с действительностью. Создается миф, в котором не будет ничего мифологического, а просто конструкты, зажившие своей жизнью. Критерии познания перестают работать, мы оказываемся в экзистенциальном процессе, вне критериев истинности и ложности, создается однобокое видение, искажающее как текст, так и систему указаний на описываемые в тексте явления. Ввиду этого текст выходит из-под контроля в его частях, соотносимых с сознательными и познавательными процессами, в результате отколовшиеся части приобретают статус целостности, оставаясь при этом частями, и начинают жить своей жизнью, не зависящей от составляющих текст элементов. Задачи исследования тем самым усложняются: есть реальность как таковая, есть реальность текста, есть реальность идеологии и реальность идеологии в тексте и т.д. А есть отколовшиеся части, живущие своей жизнью, которые невозможно включить в гносеологические структуры, так как их подлинным содержанием является гносеологическое выскальзывание. Из-за их экзистенциальной определенности скольжения эту форму невозможно перевести в гносеологическую форму, так как нет понятийной определенности, субъект и объект и не выделены, и не определены, текст становится неопределенным. Нужно помнить, что создать четко ориентированную односложную структуру смыслов в тексте можно только с применением соответствующей методологии. Сложности даже при простом указании

на наличие методологических проблем начинают возникать уже при определении внутренней и внешней адресации книги (т.е. не на объектном уровне, а просто на начальном уровне знаковой определенности). Говоря другими словами, система указателей не работает, не работают знаковые системы, так как актуальной оказывается система подмен все по той же причине, из-за неадекватности систем указателей, или же указание происходит на совершенно другое. Знаки-указатели в рамках знаковой системы не работают, что, в свою очередь, не позволяет корректно определить или выделить знаковую систему. Можно предположить, что одним из вариантов решения проблемы будет рассмотрение текста в его онтологической данности, тогда мы избегаем вопросов гносеологического плана, в том числе об истинности и ложности. К сожалению, это не решение проблемы. Онтология со времен Парменида связана с гносеологической проблематикой, так как онтологическая определенность указывает на противоречивость внутреннего и внешнего, говоря языком более поздней эпохи, объективного и субъективного, т.е. всегда происходит привязка человеческого видения. Тогда возможная проблематика может быть перенесена на определение характеристик привязки объективного к субъективному? Так, да не так: ложное и истинное, объективное и субъективное, объект и субъект в одинаковой степени онтологичны независимо от используемой гносеологической или эпистемологической определенности. Сам процесс познания должен быть запущен, а для этого должны быть изменены понятийные основания. В систему исследования нужно ввести принцип сомнения, который создаст четкую систему указателей на ложную реальность. То есть технически проблема решается, если в качестве параметров исследования сразу указывается на нереальный характер текста, обозначений и знаков. Все эти понятия будут о чем-то, что нуждается в открытии и раскрытии, тогда возникает методология, в рамках которой мы анализируем не объект, а фантазм или миф, т.е. изменяется объект (предмет) исследования, так как методология начинает указывать на миф, причем миф ложный, но в системе методологии это не является критичным, так как возникают противоречия в формах логических несообразностей, задачи становятся легче, поскольку принцип реальности начинает относиться к субъектным проявлениям, но с точным указанием на объект.

Вернемся к нашей аналитической фразе в системе указаний, тем самым сократив

объем высказывания или расширив общность (зависит от контекста). Человек говорит другому человеку: «Я люблю тебя». Разберем этот случай в методологической реконструкции истинного и ложного. Человек говорит правду, или же человек думает, что он говорит правду. Правда — это согласованность речи и объекта речи, но с сохранением субъективности, т.е. между объектом и субъектом есть смысловой зазор. Почему он есть? По очень простой причине: различие между объектом и субъектом должно быть, иначе исчезает даже возможность субъектной данности, а следовательно, возможность познания и получения знания. Должен быть раскрыт элемент присутствия объекта в субъекте и субъекта в объекте, с одной стороны, как форма единства, а с другой — как форма присутствия. Тогда ложным оказывается не отсутствие единства, а отсутствие присутствия. Анализировать формы присутствия гораздо легче, чем формы единства. Присутствие в том же месте, в том же времени, что и некоторое событие. По сути, получается тема события, времени и пространства, которые восприняты как место. Следующее в определении событие может быть определено как изменение состояния, т.е. речь идет не про место, а про изменение. Мы можем удержать событие только в контексте изменения. Формируется противоречие в определении события: событие — это место или изменение? Возникает онтология удержания и онтология изменения. Тогда присутствие и удерживает, и изменяет. В свою очередь, наверное, можно говорить о месте присутствия и об изменении присутствия. Тогда при таких методологических основаниях ложное и истинное в одинаковой степени присутствуют, место удерживает изменение, изменение меняет место. Иными словами, мы оказываемся в месте изменения истинного (ложного) или в изменении, которое будет указывать на новое место, где порядок истинного и ложного меняется или может быть изменен. То есть игрища с понятиями разрушают как гносеологию, так и онтологию, либо онтология и гносеология на самом деле о чем-то другом. Поэтому и понятийные конструкты должны быть совершенно другими.

Обсуждение

Необходимо четко понимать, что текст книги «Сердце отдаю детям» создается через несколько десятилетий после описанных в нем событий. Легко создавать пророчества о происходящих событиях через много лет

после того, как они произошли. Исходим из того, что все это подается как учение. При анализе учений работает сетка категорий, актуализированная в [9].

Применим заявленную нами понятийную методологию как форму движения противоположностей, относящихся к смыслу. Используем «понятия» В.А. Сухомлинского — «благополучные» и «неблагополучные». Анализ будет происходить в раскрытии текста как реальности. Искусственное деление на «понятия» и на этом основании выделение «понятий» Сухомлинским соответствуют нашей методологии и позволяют оценить ее преимущества в простом следовании за текстом.

Послушаем В.А. Сухомлинского, описывающего детей, с которыми придется работать. Текст воспроизводится по [10; 11].

«В микрорайоне нашей школы был 31 ребенок 6-летнего возраста, 16 мальчиков и 15 девочек... Из 31 человека 11 ребят не имели отцов, у двоих не было ни отца, ни матери. Судьба обоих мальчиков — Вити и Сашка — была трагична. Отца Вити — партизана Великой Отечественной войны — убили фашисты, подвергнув жестоким пыткам на глазах жены. Мать Вити не перенесла горя, лишилась рассудка. Мальчик родился через 6 месяцев после этого трагического события. Мать умерла после родов, малютку с трудом удалось выводить. Отец Сашка погиб на фронте, мать была убита во время боев за освобождение села от фашистских захватчиков... Меня тревожило, что в отдельных семьях не было атмосферы дружбы между родителями и детьми, отцом и матерью, не было взаимного уважения, без которого невозможна счастливая жизнь ребенка». Счастье, дружба, уважение, семья — в одной фразе, ничего не определено, узнаем только, что автора что-то тревожит. Тревога — это неуверенность перед будущим.

«Вот стоит черноглазый, смуглый, курносый Коля. У него настороженный взгляд. Я улыбаюсь мальчику, а он еще больше хмурится. В эти мгновения думаю о той ненормальной обстановке, которая сложилась в этой семье. Отец Коли до войны сидел в тюрьме, семья жила в Донбассе. Во время фашистской оккупации он вышел из заключения, и семья переехала в наше село. Мать и отец использовали горе людей в целях наживы, занимались темными делами: спекулировали, перепрыгивали вещи, награбленные фашистскими прислужниками-полицейскими. В трудные годы мать воровала кур на колхозной птицеферме, научила Колю и его старшего брата ловить ворон. Дети убивали

птиц, мать жарила их и продавала на рынке под видом курятины... Я смотрю на мальчика, хочу, чтобы он улыбнулся, но в глазах вижу замкнутость, боязнь. Как пробудить в твоём сердце, Коля, добрые, человеческие чувства, что противопоставить уродливой атмосфере зла и презрения к людям, среди которых ты рос? Смотрю в равнодушные, какие-то невидящие глаза матери, и мне становится не по себе от этого равнодушия». В семье в настоящий момент, как мы понимаем, нет отца, видим страх. Почему автором это интерпретируется как атмосфера зла и презрения к людям и все это в двух последовательных предложениях?

«Беловолосый, худенький, с синими, как весеннее небо, глазами Толя. Он стоит рядом с матерью, держит ее за руку, смотрит почему-то в землю и лишь изредка поднимает глаза. Отец мальчика погиб героической смертью в Карпатах, матери прислали несколько орденов. Толя гордится папой, а о маме плохая слава в селе: ведет разгульную жизнь, совсем забросила ребенка...» Что понимается под разгульной жизнью?

«Передо мной дети 1945 (некоторые — 1944) года рождения, не один из ребят стал сиротой еще в утробе матери. Вот Юра, его отец погиб в предпоследний день войны на чешской земле, мама без памяти любит сына, стремится удовлетворить малейший детский каприз. В семье есть дедушка, он тоже готов сделать все, лишь бы Юра жил беззаботно. Из того, что я узнал об этой семье, было ясно: 6-летний ребенок может превратиться в маленького тирана. Слепая материнская любовь так же опасна, как и равнодушие». Проводить аналогию между любовью и удовлетворением капризов не очень логично и понятийно ошибочно.

«Петрика привели мать и дедушка. Я много слышал о нелегкой жизни матери мальчика. Первый ее муж оставил семью еще до войны. Женщина вышла замуж второй раз, но и это замужество не было счастливым: оказалось, что у отца Петрика где-то в Сибири есть семья; после войны он уехал. Гордой женщине пришлось в голову убедить сына, что его отец погиб на фронте». Несколько странное понятие о гордости, мать просто лжет. Если об этом знает Сухомлинский, значит, знают и другие люди. «Мальчик рассказывал детям о вымышленных подвигах своего отца. Сверстники не верили ему, говорили, что у него отец — обманщик. Петрик плакал, шел со слезами к матери. По всему было видно, что недобрые люди заронили в душу ребенка зерна неверия в человека и ожесточен-

ность». Кто здесь недобрые люди и почему, ведь лжет и подставляет сына мать?

«Я буду воспитывать словом и личным примером. Дети должны читать в моих словах и поступках добро, правду, красоту. За каждым моим словом должна стоять теплота, сердечность, душевность». Дети должны читать. А каков истинный смысл предложения? Может быть, об этом стоит рассказать? На уровне предположений речь идет о чувстве долга. Автор четко знает: если ему поверить, что такое добро, правда, красота, будет понятно и на уровне слов, и на уровне поступков. И снова без определений добра, правды, красоты, поступков, слов.

«Галю привел отец. Она и ее младшая сестра пережили большое горе: умерла мама. Через год после смерти матери в семью пришла чужая женщина — добрая, честная, чуткая. Она понимала, что происходит в детских сердцах, была осторожна в излишней своих чувств, надеялась расположить к себе девочек. Но шли недели, месяцы, а Галя и ее младшая сестренка Валя не хотели даже говорить с мачехой. Они как будто не замечали ее. Женщина плакала, просила совета у мужа и у родственников — что ей делать?» Если женщина понимает, что происходит в детских сердцах, зачем спрашивать совета у мужа и родственников, которые не дали адекватных советов? Зачем очередное нагнетание эмоций? «Намеревалась даже оставить семью, но потом у нее родился мальчик. Думала, что появление ребенка согреет сердца девочек, но надежды не оправдались. Дети (особенно Галя) не хотели замечать маленького братика». Вполне адекватные детские реакции. Как рождение ребенка у чужой тети от моего папы может меня согреть? «Как прикоснуться к этому гордому сердцу?» Снова неизвестно откуда взявшееся и ничем не обоснованное патетическое определение.

«Добро и зло открываются перед ребенком уже в том, каким тоном обращается отец к матери, какие чувства выражают его взгляды, движения». Какая-то слишком смещенная позиция наблюдения — нет пары «отец и мать», есть только отец.

«Я знал девочку, которая уходила в глухой уголок сада и тихо плакала, когда отец приходил с работы угрюмый и неразговорчивый, а мать каждым словом пыталась угодить ему». Странная форма угождения неразговорчивому человеку при помощи слов. «Сердце ребенка разрывалось от обиды на отца и чувства сострадания к матери...» Мы видим неадекватную реакцию матери на отца, девочка

полностью разделяет позицию матери. Обида понятно, но где сострадание, если я злющий? Разворачивается совершенно другой смысл, который полностью игнорирует автор.

«Сестры-близнецы Нина и Саша. В школу их привел отец. В этой многодетной семье (кроме Нины и Саши еще четверо) — свое горе: уже несколько лет мать прикована к постели тяжелой болезнью. Старшие сестры ведут хозяйство — отцу трудно. Нина и Саша знают, что такое труд. В семье у них очень мало радостей... Как дать этим малышам светлую, безмятежную радость детства? Смогу ли я это сделать? Вот отец уже напоминает мне: девочки будут приходить в школу не больше чем на час, они должны помогать ему дома». На детей возложены функции взрослых без учета полной непригодности детей.

Так были описаны неблагополучные, по мнению Сухомлинского, дети. Теперь он переходит к описанию благополучных. Возникает ряд вопросов к смысловой определенности благополучия.

«Меня радовало, что среди родителей большинство отцов и матерей жили хорошей семейной жизнью, как говорится, в добре и согласии, хорошо воспитывали детей... Отец Люси, девочки с удивительно пышными черными косами, человек очень честный и правдивый. Есть люди, о которых говорят, что они душевно прекрасны. В подавляющем большинстве такие люди не совершают подвигов. Их духовная красота во взаимоотношениях с человеком. Вряд ли когда-нибудь отец говорил Люсе, что надо быть чуткой, отзывчивой. Чуткости и человечности он учит детей своим поведением, отношением к жене. У матери Люси большое сердце, и она работала на свекловодческой плантации колхоза. Отец взял на себя всю работу по дому...» Тяжело больная мать — благополучная семья?

«Дружная семья у Павла. Больше четырех лет была прикована к постели мать мальчика. Отец сумел заменить ее: он не только трудился на производстве, но и выполнял всю домашнюю работу...» Комментарии к определению «благополучия» излишни.

«Хорошие народные традиции живут в семье самого маленького мальчика Данька. Трое детей — 6, 8 и 9 лет — остаются на хозяйстве, когда мать и отец на работе. Малыши готовят обед и ужин, доят корову, ухаживают за растениями на огороде. Когда в летний вечер мама и папа возвращаются с работы, им приготовлены душ, чистое белье, горячий ужин и... букет полевых цветов на столе». Маленькие дети выполняют работу взрослых.

«В семье царит уважение к труду, можно сказать, культ труда, и при этом нет никакой спешки, торопливости. Отец Вали работает на машиностроительном заводе в Кременчуге, мать — в колхозе. В этой дружной семье все учатся: и родители, и трое детей. Дух уважения к знаниям, школе, учителю, царящий в доме, нас, учителей, очень интересует и радует... Отец Шуры, мальчика с черными, пытливыми, ласковыми глазами, работает на железной дороге, дома бывает раз в неделю. Приезды отца стали для Шуры, его брата и сестры событием, оставляющим в детской душе глубокий след. Дети с нетерпением ожидают отца: он всегда дарит им что-нибудь. Подарки его своеобразны: отец хорошо вырезает из дерева фигурки животных, людей, фантастических существ. Каждому ребенку он привозит по деревянной фигурке. Большое удовольствие доставляют детям и рассказы отца. У него редкий дар находить хороших людей. Рассказы о хороших людях как бы открывают детям окно в мир». Исторически быт практически не изменился: тяжелый труд, крестьянский образ жизни с деятельностью в других отраслях производства (благо), многие работают вдали от дома. Отцы большую часть времени находятся за пределами дома и семьи.

Рассказ о «благополучии» прерывается, снова начинает разворачиваться тема неблагополучия.

«Отец Володи — строитель мостов. Мать работает в колхозе. Молодые родители горячо любят своего первенца. Но в этой любви мало мудрости. Слишком уж много они дарят мальчику всяких безделушек, стараясь побыстрее удовлетворить капризы сына. Вот и сейчас Володя сидит рядом с матерью и держит 2 резиновых шара. Он хочет что-то сказать матери, но она не замечает его, и сын надул губы, на глазах — слезы». Шары почему-то весьма задевают автора, становясь символом удовлетворения капризов. (А, это два маленьких мячика, которые держит шестилетний ребенок.) Мать не замечает Володю. Сложно назвать эти факты выражением любви и наличия большого количества безделушек.

«В семьях, где отец и мать отдают часть своей души другим, принимают близко к сердцу радости и горести людей, дети вырастают добрыми, чуткими, сердечными. Самое большое зло — эгоизм, индивидуализм отдельных родителей. Иногда это зло выливается в слепую, инстинктивную любовь к своему ребенку, как у родителей Володи». Отметим странный логический переход. Зло — это эгоизм и индивидуализм

родителей. Зло иногда выливается в слепую, инстинктивную любовь к ребенку. Крайне странные смысловые переходы.

«Если отец и мать все силы своего сердца отдают детям, если за ними не видят других людей, эта гипертрофированная любовь в конце концов оборачивается несчастьем». Возникает резонный вопрос, что хотя бы нужно определить любовь и отличить ее от гипертрофированной любви. Почему-то кажется, что в данном случае речь идет не о чувствах, а о системе действий, непонятно по какой причине названных любовью. Если в системе восприятия нет других людей — это не про чувства, а про нарциссизм, дети травмированы. Но это совершенно недостоверно, так как фактов у нас, кроме надутых губ, наполненных слезами глаз и двух резиновых шаров, нет. Послушаем дальше.

«Об этом я думал, рассказывая родителям о том, какой представлялась мне «Школа радости». Это был очень трудный разговор. Каждое слово, обращенное к родителям, должно учитывать все: и хорошее, и плохое, что есть в семьях. Когда я говорил о духе честности, правдивости, взаимного доверия, который будет царить в «Школе радости», не давала покоя мысль о семье Коли. Но о зле и неправдивости, пронизывающих жизнь этой семьи, нельзя было говорить всем родителям: это могло оттолкнуть мать от школы, вряд ли она когда-нибудь еще пришла бы». Обратим внимание, что всякий раз при упоминании Коли вместо трезвой оценки действий появляется в совершенно другом контексте тема зла, и к ней добавлена тема неправдивости (речь идет о шестилетнем ребенке), потом неожиданно появляется реальная семья, не выступающая в качестве понятия, но почему-то подводимая под оценочное суждение. Кроме того, возникает вопрос о том, кто информатор (информаторы) Сухомлинского о ситуации в семье Коли.

Исходя из всех больших отрывков из книги В.А. Сухомлинского, можно сделать вывод, что в иерархии понятий он в процессе воспитания может повлиять только на поведенческие реакции, а не на ценностный план личности. Понятийные структуры постоянно сбиваются, т.е. целостной картины не возникает, слова не указывают на явления, оставаясь субъективным опытом. Психологической системы в воспитании детей нет. Актуальной остается мифологизация опыта. Не приводим рассказы В.А. Сухомлинского такого плана: о продаже итальянских детей в США, о летающих гигантских железных злых птицах, которых нужно уничтожить, об убитых и похороненных драконах, о птицах, убивающих драконов

(где-то это мы уже слышали и видим сейчас), о рассыпающихся искрах и тому подобном, связанном с мифологизацией детского сознания. В сухом остатке перед нами дети с проблемами, и вместо перевода их в реальность постоянно усиливается и накапливается истерическая субъективность. Надеюсь, читатели обратили внимание на «гордое сердце» и на то, к чему относится это определение. Наверное, серьезный научный анализ подобного уровня текстов и не нужен, но нужно, чтобы в системе знания у людей были четкие индикаторы, освобождающие их от сентиментальности, выражающие весьма высокий уровень жестокости. Такие воспитательные программы, как программа Сухомлинского, осуществлялись много десятилетий, и их результат мы видим сейчас.

Можем сослаться на исследователей из других областей знания, создающих общие структуры, что в основе лежит идентичность. «Выявлены прямые положительные связи между показателями «процесс жизни» и всеми статусами идентичности, достигнутой идентичностью и всеми показателями смысловых ориентаций» [12].

Даже когда исследователи говорят о профессиональных группах, учитываются индивидуальные ценностные компоненты, чего не делает В.А. Сухомлинский, у него все подводится под одну гребенку. «Проведенный анализ результатов исследования показал, что для большинства испытуемых группы сотрудников, отслуживших более 5 лет, мотивация ориентирована на свободу и результат в большей степени, а на процесс и альтруизм — в меньшей степени. Сотрудники больше надеются на успех, чем на неудачу, а при выборе профессии руководствовались внутренней потребностью к такой работе. У группы испытуемых сотрудников, отслуживших менее 5 лет, ярко выражены мотивационные ориентации на процесс и альтруизм, менее выражены ориентации на

свободу, результат и труд и почти не выражена ориентация на власть, а ориентации на эгоизм и деньги не выражены совсем» [13].

В.А. Сухомлинский не учитывает и социально-экономические факторы. «Последствия действия социальных шоков носят отложенный на определенный срок характер из-за организационных и правовых ограничений, действующих в системе рынка труда. Высокий уровень инфорсента на отечественных предприятиях станет преградой для массового высвобождения персонала» [14, с. 732].

Как ни странно это звучит, педагогическая система В.А. Сухомлинского весьма напоминает то, что определяет Д. Кроненберг в книге «Употреблено» под термином «употреблено» [8].

Заключение

Как видим, в методологическом плане введение системы предельно общих категорий, системы указаний и системы определенности понятий позволяет решить целый ряд весьма сложных задач:

1. Создается единое смысловое поле реальности с указанием на текстологическую данность.

2. Мы можем наблюдать движение разнорядковых общностей.

3. Понятийный синтез позволяет определить корректность использования понятий в системе описания явления.

4. Понятия, применяемые в качестве противоположностей в системе смыслов, таковыми зачастую не являются.

5. Диалектические последовательности оказываются нефункциональными из-за системы некорректного использования понятий, а не из-за их сущностных оснований.

Гегель абсолютно прав в том, что наука должна организовываться только собственной жизнью понятия [15, с. 28]. Если мы этим пренебрегаем, даже в обыденной жизни, результатом становится репрессия сознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.В. Лебедев. — Москва : Наука, 1989. — Ч. 1. — 576 с.
2. Атанов А.А. Экономика концептов / А.А. Атанов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. — 398 с.
3. Фрейд З. Психика. Структура и функционирование / З. Фрейд. — Москва : Акад. проект, 2007. — 232 с.
4. Фрейд З. Я и оно / З. Фрейд. — Тбилиси : Мерани, 1991. — 398 с.
5. Аристотель. Категории / Аристотель. — Москва : Соцэргиз, 1939. — 84 с.
6. Аристотель. Метафизика / Аристотель. — Санкт-Петербург : Лань, 2014. — 341 с.
7. Академический скептицизм / Р.В. Светлов, Д.С. Курдыбайло, А.С. Степанова [и др.]. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2022. — 181 с.
8. Кроненберг Д. Употреблено / Д. Кроненберг. — Москва : Аст, 2015. — 416 с.
9. Атанов А.А. Исторический контекст понятийных оснований экономических систем (на примере «Капитала» К. Маркса) / А.А. Атанов. — DOI 10.17150/2308-2588.2018.19(2).167-181. — EDN XUXXXK // Историко-экономические исследования. — 2018. — Т. 19, № 2. — С. 167-181.
10. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина / В.А. Сухомлинский. — URL: <https://nsportal.ru/node/21540/2011/10/sukhomlinskiy-va-rozhdenie-grazhdanina>.

11. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям / В.А. Сухомлинский. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=84572&p=1>.
12. Воронцова Е.Г. Взаимосвязь профессиональной идентичности и смысложизненных ориентаций у студентов творческих направлений обучения / Е.Г. Воронцова, Т.Н. Шеметова. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(4).6. — EDN KDFIAT // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 4. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=25551>.
13. Кожевина А.П. Особенности мотивационной сферы личности сотрудников пожарно-спасательной службы / А.П. Кожевина, А.Э. Тарасова. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(2).33. — EDN JAGWRU // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 2. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=25138>.
14. Былков В.Г. Трансформация регионального рынка труда под действием санкций / В.Г. Былков. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(4).732-740. — EDN KOJGFD // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 4. — С. 732–740.
15. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. — Санкт-Петербург : Наука, 2006. — 444 с.

REFERENCES

1. Lebedev A.V. (ed.). *Highlights from Early Greek Philosophers*. Moscow, Nauka Publ., 1989. Pt. 1. 576 p.
2. Atanov A.A. *Economics of Concepts*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2008. 400 p.
3. Freud S. *Mentality. Structure and Functioning*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2007. 232 p.
4. Freud S. *Das Ich und das Es*. Berlin, 1923. 90 S. (Russ. ed.: Freud S. *Me and It*. Tbilisi, Merani Publ., 1991. 398 p.).
5. Aristotle. *Categories*. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 84 p.
6. Aristotle. *Metaphysics*. Saint Petersburg, Lan' Publ., 2014. 341 p.
7. Svetlov R.V., Kurdybailo D.S., Stepanova A.S., Fedorov D.A., Tantlevskii I.R., Slobodkovskii S.V., Vasineva P.A. *Academic skepticism*. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2022. 181 p.
8. Cronenberg D. *Consumed*. London, Fourth Estate, 2014. 284 p. (Russ. ed.: Cronenberg D. *Consumed*. Moscow, Ast Publ., 2015. 416 p.).
9. Atanov A.A. Historical Context of the Conceptual Foundations of Economic Systems (in the Context of «Capital» by Karl Marx). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2018, vol. 19, no. 2, pp. 167–181. (In Russian). EDN: XUXXK. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(2).167-181.
10. Sukhomlinskii V.A. *The birth of a citizen*. URL: <https://nsportal.ru/node/21540/2011/10/sukhomlinskii-va-rozhdenie-grazhdanina>. (In Russian).
11. Sukhomlinskii V.A. *To children I Give my heart*. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=84572&p=1>. (In Russian).
12. Vorontsova E.G., Shemetova T.N. Correlation between Professional Identity and Life Orientations among Students of Creative Fields of Study. *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 4. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=25551>. (In Russian). EDN: KDFIAT. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(4).6.
13. Kozhevina A.P., Tarasova A.E. Features of the Motivational Sphere in the Personality of the Fire Rescue Service Employee. *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 2. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=25138>. (In Russian). EDN: JAGWRU. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).33.
14. Bylkov V.G. Transformation of the Regional Labor Market under the Influence of Sanctions. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 4, pp. 732–740. (In Russian). EDN: KOJGFD. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(4).732-740.
15. Hegel G.W.F. *System der Wissenschaft. Erster Teil, die Phänomenologie des Geistes*. Bamberg und Würzburg, 1807. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. *Phenomenology of the Spirit*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2006. 444 p.).

Информация об авторе

Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, директор Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий, заведующий кафедрой философии и искусствознания, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: atanovaa777@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8554-6763>.

Для цитирования

Атанов А.А. «Реальность» в литературе на примере книги В.А. Сухомлинского «Сердце отдаю детям» / А.А. Атанов. — DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(1).162-172. — EDN LPTUOT // Известия Байкальского государственного университета. — 2023. — Т. 33, № 1. — С. 162–172.

Author

Andrei A. Atanov — D.Sc. in Philosophy, Professor, Director of the Institute of Culture, Social Communications and Information Technology, Head of the Department of Philosophy and Art Studies, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: atanovaa777@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8554-6763>.

For Citation

Atanov A.A. «Reality» in Fiction on the Example of the Book by V.A. Sukhomlinsky «To Children I Give My Heart». *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2023, vol. 33, no. 1, pp. 162–172. (In Russian). EDN: LPTUOT. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(1).162-172.